

ВИТАЛИЙ БЕЗРОГОВ

Российская академия образования,
Институт стратегии развития образования

**ОБУЧЕНИЕ ДЕЛУ И РЕЧИ:
СЕДОЙ ВОЗНИЦА-НАСТАВНИК
В ДЕВЯТОЙ ПЕСНЕ *ИЛИАДЫ***

Education in War and Speech: an Old Charioteer as Didaskalos in *the Iliad* IX

The author investigates an image of the old mentor Phoenix, the tutor of Achilles, formed by Homer in the ninth song of the "Iliad". The textual analysis shows the key areas of learning young people by older soldiers recommended by Homer through the image of the teacher of Achilles. The question of the role of the Phoenix in shaping the paradigm of a wise old teacher in the subsequent history of education and culture is discussed.

Keywords: Old age, youth, Iliad, Achilleus, Phoenix, teacher, pupil, fosterage

Старый учитель – дряхлый старик.
Мудрый учитель – не старый старик.
Старый воин – мудрый учитель.
Мудрый воин – не дряхлый учитель.
Аноним

В еще совсем недавнем прошлом пожилой человек на грани между взрослостью и старостью либо на грани между старостью и дряхлостью воспринимался как концентратор опыта, уже достаточно мудрый и в то же время достаточно еще активный для того, чтобы лучше всего выступать в роли учителя, наставника, педагога, ментора. Такой образ, не вполне обоснованно подчас называемый «архетипом мудрого старца» (термина и понятия нет во многих культурах, поэтому невозможно говорить именно об архетипе), вероятно, имеет свою собственную историю в культуре, как и другие образы, свойственные человеку. В данной статье мы попробуем увидеть один из ранних его вариантов в раннеантичном осмыслении фигуры наставника. Возможно, данный пример послужил источником

для ряда последующих. Для его рассмотрения нам необходимо сначала остановиться на концептуальном контексте представлений об ученичестве и о старости в древнегреческой цивилизации в целом, чтобы затем прояснить варианты отношения к ним в гомеровскую эпоху.

Убить или не убивать учителя?

В древнегреческой культуре, равно как и в других, ей аналогичных, образ пары «учитель – ученик» составлял вторую сторону медали, дополнявшую «обычное», семейно-генеалогическое объяснение взаимосвязи людей. Можно было быть сыном, а можно – учеником. Предполагался возможным не только союз (в худшем случае спор) родителя и рожденного, но и единение/контраст ученика и учителя. Парадоксы разнообразия воспитательных ситуаций как бы уже «изначально» присутствовали в педагогических интергенерационных практиках (Безрогов 2006, 2008). Вариативность воспитывающей среды выступает в истории частным случаем принципа необходимого разнообразия, действующего и в природе, и в культуре (Иванченко 1999). Продолжить учителя, став его копией; преодолеть учителя своей любовью к нему; отбросить его учение, положив как драгоценность на жертвенник алтаря; «убить учителя», продолжив его дело, – все эти варианты отношений обучающегося к наставнику сущностно близки друг другу, так или иначе воплощают в мифах связь ученика с учителем, воспитывающую обоих, хотя могут быть внешне противоположны.

Амбивалентности ученика симметрична амбивалентность учителя. Спасением от амбиций и чувства власти нередко выступает наряду с почитанием передаваемой традиции возникающая между обучающим и обучаемым взаимная (или односторонняя) любовь, но все же в теме «учитель – ученик» в одном из ее вариантов незримо присутствует даже сюжет-метафора «убийства» учеником учителя (Днепров 2002). Хирон и Лин, учителя Геракла, погибают от его руки. Сигурд убивает Регина и Брюнхильду, своего учителя и наставницу. Иисуса убивают предательством – Иуда и отречением – Петр. Младший современник Иисуса Кухулин сражается со своей наставницей Айфе и готов ее убить. Финн из ирландских сказаний обманывает учителя для обретения магического знания. Конечно, древний мир осуждал высвобождение из-под власти наставника. Коллизии,

связанные с этой темой, ряд культур решал через поэтизацию пожилого возраста, отказа от концепции о никчемности стариков, закрепление представления о мудром человеке за финальными стадиями жизни индивида. В разных традициях складываются и утверждаются среди популярных сказания о том, как стариков, вместо того, чтобы оставлять, как было принято ранее, в отдаленных местах без пищи, сберегают отныне в тайных убежищах, и старики неофициально назидают молодежь, которая без них бы пропала. В европейских традициях это, например, ирландский король Кормак мак Айллелло и его сын Кайрпре мак Кормайк (Meуer 1909).

Старик – это плохо или хорошо? Разногласие греков

Помимо отношения к учителю, определения места и статуса образа/конструкта Воспитателя/Наставника для нас важно хотя бы отчасти вникнуть в образ/конструкт старого человека, каким его видела древнегреческая культура. Поняв спектр мнений относительно образа старика и старости как таковой, мы сможем представить конфигурацию, место и границы образа собственно пожилого наставника в горизонте древнегреческого менталитета.

Спектр мнений в нем расположился от ярких проклятий в адрес старости – через трагически скорбное признание неизбежности этого тяжелого и презренного периода жизни – к поискам полезности стариков, представлениями об их пронциательности, мудроопытности и спокойной «обдуманнорешительности», благоразумности, *phronountos*, *sophrosyne* (Richardson 1933; Falkner 1989, 1995; Emery 1999; Gilleard 2007). В древнегреческих драмах виден этот разлет от умудренности/*советливости* пожилого человека до его готовности учиться у молодых (ради преодоления «стариковства»). Лирика придерживалась в основном «парадигмы Мимнерма»: наполнен тяжкими заботами старый возраст. Философия отдавала дань «парадигме Кефала»: наполнен лучшим, спокойным и более многомерным видением/суждением старший возраст.

Путь старика в учителя

Мифы и эпосы различных народов мира не случайно отразили создание устойчивых пар внесемейного интересубъектного обучения и воспитания в человеческих племенах на ранних этапах

истории. Образы, сюжеты, связанные с легендами о воспитании богов и героев, составили в истории образовательных традиций важный пласт примеров, своего рода воспитательных парадигм для последующих поколений. В истории как словесной, так и визуальной культуры Европы тема воспитания античных героев божеством того или иного статуса и выдающимися наставниками из людей занимает важную часть представлений о сохранении и передаче культуры от поколения к поколению.

Вариантом сюжета об учителе становится повествование о человеке преклонного возраста, даже старце, когда-то воспитывавшем не своего ребенка, будучи взрослым в расцвете сил. Воспитав и обучив ребенка, подростка и впоследствии состарившись, он или она продолжает быть ему наставником, учителем и ментором на протяжении юной и взрослой жизни воспитанника и ученика. В этом варианте учитель старится в то время как ученик крепнет и мужает. В нужный/решительный/кардинальный момент старый учитель приходит на помощь взрослому или почти взрослому ученику. Образ престарелого мудреца-советника при взрослом ученике становится постепенно знаковым для всей последующей европейской и мировой культуры, отразившись в легендах и сказках.

Образ наставника Ахилла Феникса в *Илиаде*: дополнение к морской богине и кентавру

Одним из наиболее известных греческих сюжетов на эту тему (помимо, пожалуй, образа и роли воспитателя, *paidegogos'a*, в *Электре* Софокла) является история Ахилла (Ахиллеса), сына смертного царя Пелея и морской богини, нимфы Фетиды. История закаливания и воспитания Ахилла стала впоследствии очень популярна в изобразительных искусствах, особенно в XVIII – XX вв. Постоянное изучение Гомера в Греции вплоть до конца Византийской империи в XV веке, популярность Гомера и вне Греции в средневековой и ново-европейской истории обусловили важное место рассказа о воспитании главного эпического героя, вокруг гнева которого выстроено в *Илиаде* все повествование.

Реконструкция истории воспитания Ахилла наталкивается, однако, на многочисленные сложности. Среди них, к примеру: а) многообразие и противоречивость, многослойность и разновременность текстов, сохранившихся о его детстве; б) наличие в его истории

воспитателей и учителей как в разной степени божественных – нимфы Фетиды, кентавра Хирона, так и человеческого – грека по имени Феникс, весьма знатного, но зависимого от отца мальчика. Все трое по очереди растили и обучали Ахиллеса (Mackie 1996; Martin 1989; Nagy 1999; Robbins 1993). Литературно-мифологический канон сообщал о том, что Фетида закаливала младенца, а потом присматривала за ним вплоть до перипетий Троянской войны; Хирон наставлял мальчика в магии, науке, медицине, учил его плаванию, обращению с лошадьми и охоте, игре на лире и другим навыкам и знаниям, в том числе метанию копья и стрельбе из лука. В процессе развития мифологии сюжет «воспитание Хироном Ахилла» обрастал все новыми и новыми подробностями. Список того, чему был обучен Ахилл мудрым кентавром, из века в век рос и детализировался, поэтому сейчас трудно определить самый древний вариант хиронова «учебного плана»¹. Возможно, его древнейший вариант прослеживается в тех способностях и действиях, которые продемонстрировал Ахилл в *Илиаде*. Однако сохранившиеся фрагменты сказаний о последующих событиях (*Эфиопида* и др.) говорят о том, что список достижений Ахилла, скорее всего, неполон, и по такому критерию полностью восстановить учебный план Хирона не представляется возможности.

Как все герои, Ахиллес (Ахилл и Ахиллес – два варианта написания в русском языке одного и того же греческого имени) обучался всему гораздо быстрее обычных детей, но все же вполне длительное время. У Хирона Ахилл провел, вероятно, лет 6–8, поскольку, согласно Псевдо-Аполлодору, он был передан ему в конце грудного возраста и покинул кентавра после своего девятого дня рождения (Apollo-d. III, 6–8). Воспитание Ахилла продолжил Феникс, установивший отношения с младенцем еще до отдачи резвого «мальца» кентавру и знакомый, как повествуют легенды, с самим Хироном,

¹ Среди обширного перечня всех знаний, умений и навыков, которыми обладал и которым обучал мудрый Хирон своих учеников, выделяются две линии, связанные 1) с обучением ведению боя, отнятию жизни (II. XVII, 141–144), и 2) с медициной, своего рода обратным воинскому искусством врачевания, возвращения жизни. Гомер атрибутирует Хирону даже обучение Асклепия, знаменитого греческого врачевателя (II. IV, 210–219). См. также третью из *Пифийских песней* Пиндара, где певец детализирует историю, указывая на то, что Хирон наставлял Асклепия с самого момента появления на свет будущего великого врачевателя, имевшего, в отличие от Ахилла, божественного отца и земную мать (3.1–15, 45–46). Список учеников Хирона велик: Актеон, Аристей, Асклепий, Ахилл, Геракл, Кеней, Медей, Оилей, Патрокл, Пелей, Персей, Теламон, Тесей, Феникс, Ясон.

вылечившим Феникса от слепоты. Феникс сопровождает Ахилла не только оставшуюся часть его детства, но и облегчает ему переход во взрослую жизнь, неся примерно лет восемь (до исполнения Ахиллу 16–17 лет), по сути, обязанности «дядьки-кормильца», знатного воспитателя. Ахилл при Фениксе из девятилетнего мальчика превращается в пятнадцати-семнадцатилетнего юношу. Феникс в это же время входит из взрослости в пределы пожилого возраста.

Герой Ахиллес от околобожественных пределов (сначала возвращение богиней-матерью, желавшей дать сыну бессмертие или, по крайней мере, неуязвимость; затем – кентавром, уже не совсем богом, хотя и бессмертным) постепенно переходит на воспитание и обучение в пределы земные. «Седому возничему», «старому отцу» (слово *отец* употребляется здесь в значении социального статуса), «старика», «старцу», «много пожившему», обладающему все еще «неослабным гласом» (XVII, 553), то есть Фениксу выпадает важная роль – социализировать Ахилла применительно к эпическим, но земным условиям жизни, социализировать для жизни и в мирном социуме, и на театре военных действий. В период обучения богами (кратко – Фетида) и полубогами (кентавром) Ахилл лучше (= быстрее) учится; он более сговорчив и менее упрям. Упрямство героя возрастает, когда его продолжили обучать люди, и учится (обучаем) он теперь уже с трудом и медленно. «В груди его разум / Очень негибок» (букв.: в своей диафрагме стал он негибок) [и это не по отношению к сражению], – говорит Аполлон о возмужавшем Ахилле, убившем Гектора (XXIV, 40–41). И воспитание героя земным учителем идет труднее, и учится он у него медленнее, чем у богов. Однако все же роль знатного Феникса как воспитателя и наставника в *Илиаде* весьма высока – и по причине того, чему он, собственно, научил своего подопечного, и благодаря высокому авторитету наставника, сложившемуся и сохраняющемуся в сознании ученика и окружавших его других героев.

Рассмотрим некоторые детали, относящиеся в традиции к человеческому воспитанию Ахилла Фениксом и упомянутые в девятой песне *Илиады*². Посольство, пришедшее к Ахиллу уговаривать его помириться с Агамемноном, забыть Брисеиду и публичное оскорбление, формально возглавляет уже немолодой учитель героя Феникс, линию царской власти воплощает Одиссей, дружескую линию –

² Фениксу девятой главы *Илиады* посвящено несколько специальных работ. См.: (Koehnken 1975; Rosner 1976; Tsagarakis 1979).

Аякс. На гневную речь Ахилла, на его слова об отъезде из лагеря ахейцев наставник Феникс отвечает длинной речью, основной мыслью которой выступает тезис о том, что старый воин не мыслит себя остающимся в лагере без своего воспитанника. Два отрывка из его речи особенно знаменательны. В одном из них (IX, 485–494) он говорит, что в силу собственной бездетности с большим энтузиазмом воспринял поручение Пелея воспитать Ахилла, данное ему еще до вручения Ахилла Хирону. Уже тогда, говорит Феникс, он любил Ахилла как родного сына:

Нежно тебя я любил: никогда с другим не хотел ты
Выйти на пир пред гостей; ничего не вкушал ты и дома
Прежде, поколе тебя не возьму я к себе на колена,
Пищи, разрезав, не дам и вина к устам не приближу.
Сколько ты раз, Ахиллес, заливал мне одежду на персях,
Брызжа из уст вино, во время неловкого детства
[букв. «надоедливого, раздражающего, трудного», *νηπιῆν ἀλεγεινός*].
Много забот для тебя и много трудов перенес я,
Думая так, что, как боги уже не судили мне сына,
Сыном тебя, Ахиллес, подобный богам, нареку я...

(пер. Н. И. Гнедича)

Нежно тебя я любил; и с другим никогда не хотел ты
Ни на пирушку пойти, ни откусать чего-нибудь дома
Прежде, чем я, на колени к себе посадив, не нарежу
Мяса тебе на кусочки и кубка к губам не приставлю.
Часто случалось и так, что хитон на груди ты мне пачкал,
С губ своих проливая вино по неловкости детской.
Много тогда для тебя и забот, и трудов перенес я.
Думал я так, – что уж раз меня боги потомства лишили,
Сделаю сыном своим я тебя, Ахиллес богоравный,
Чтобы меня ты когда-нибудь спас от беды недостойной.

(пер. В. В. Вересаева)

Феникс завершает этот экскурс в далекое прошлое тем, что говорит о мечтах сделать Ахилла своим будущим защитником от возможных невзгод³ через установление с ним фактически родительско-сыновних близких отношений. Мы видим типичный случай отдачи знатного ребенка более высокого статуса на воспитание человеку из более низкой знати, характерный для воспитания статусной,

³ Loigos, букв. «опустошение, разорение, разрушение», переведено как «беда».

элитной молодежи в племенных обществах и древних цивилизациях, в том числе в гомеровской и архаической Греции (так называемый феномен воспитательства, кормильства или аталычества) (Гарданов 1959; Корнетов 1993, 74–75; Growing Up 2009, 48–51, 97, 107, 145, 201, 209–15, 227, 242, 246, 278, 282, 286–90; Parkes 2006).

Второй отрывок из речи Феникса, помещенный Гомером за несколько десятков строк до процитированного выше (IX, 438–445), повествует о финальном периоде ученичества Ахилла у Феникса, когда Пелей отправляет наставника вместе с сыном-юношей Ахиллом (в начале Троянской войны Ахиллу, по мнению Псевдо-Аполлодора, всего 15 лет). Делает это отец ради окончания обучения Ахилла Фениксом уже в процессе военной экспедиции. Гомер устами Феникса говорит об этом завершающем этапе обучения так:

Вместе с тобою меня послал Эакид, твой родитель,
В день, как... тебя отпускал в ополчение Атрида.
Юный, ты был неискусен в войне, человечеству тяжкой;
В сонмах советных неопытен, где прославляются мужи.
С тем он меня и послал, да тебя всему научу я:
Был бы в речах ты вития (ῥήτήρ) и делатель дел (πρακτήρ)
знаменитый.

(пер. Н. И. Гнедича)

Старый Пелей конеборец послал меня вместе с тобою
В день, как из Фтии тебя отправлял в ополчение Атрида.
Юный, не знал ни войны ты, для всех одинаково тяжкой,
Ни совещаний народных, где славой венчаются люди.
С тем он меня и послал, чтоб всему тебя мог обучить я:
В слове оратором быть – и быть совершителем в деле.

(пер. В. В. Вересаева)

Феникс, а не мудрый Кентавр обучает Ахилла человеческому «агоральному красноречию», то есть способности держать себя «в руках» и убедительно дискутировать в различных собраниях, в том числе и военных – способности, столь важной впоследствии и для общинно-полисной Греции. Мы видим в *Илиаде*, как использует Ахилл эти умения, отстаивая в девятой песне уже вполне «пориторски» свое мнение перед натиском Агамемнона и посланных им «делегатов» к опозоренному – как раз «при всех», на «совете воинов» – юному бойцу, на которого Агамемнон, вероятно, попытался

смотреть с высоты своей принадлежности к «поколению отцов» по отношению к Ахиллу и его молодости, плюс еще и с высоты «родового начальника всех воев», то есть предводителя над всем войском греков⁴.

«Старый конеборец», «старик» Феникс учит Ахилла не только риторскому «ратному слову», но также и физической ратной выносливости, навыкам боя. Такая функция позволила А.-И. Марру посчитать – модернизируя ситуацию – данную пару «наставника-ученика» образцом «архаического рыцарского воспитания» (Марру 1998, 25–26; *The Iliad* 1993; *Iliad* 1995, 1996). Однако здесь мы видим все же еще не кургуазное обучение «плетению словес», но обучение логике речей, античному красноречию, применяемому пока лишь на военных собраниях, на «агоре воинов». Эпический идеал наставничества для героев-людей Гомер моделирует на примере Ахилла как двойной идеал обучения мужественной красноречивости или красноречивой мужественности (Монро 1913, 59–64).

Фигура состарившегося воина Феникса, в своей зрелости и старости учителя Ахилла и смертного мужа, встречает нас на пороге между дидактическим мифом и историей древнегреческого воспитания. В эпическом мире воин Феникс, «благородных кровей», уже умудренный опытом колесничий, а не собственно пеший ратник, равно искусно обучает молодого воина и воинскому делу, и словесному. Соотношение и ценностная иерархия таких «предметов обучения» в структуре педагогического идеала будет впоследствии меняться, но для дальнейшей его эволюции весьма существенно, что подобная, пусть пока еще неравноправная внутри себя, диада «копья и слова» сформирована уже на столь ранней стадии развития греческой культуры как признак единого качества, свойственного пожившему мужу и потому идеальному учителю других на грани между еще пребыванием в силах и наступлением дряхлости.

⁴ Интересно, что в *Илиаде* есть намек на развитие навыков красноречия у Ахилла (хотя чаще всего эпический герой не меняется в процессе повествования). Первая книга *Илиады* вкладывает в уста Агамемнона обвинение Ахиллу в том, что он не умеет себя вести и правильно разговаривать на воинском совете. Храбрый в бою, он переносит эту храбрость в речь, в диалог, вызывая обвинение в невоспитанности со стороны Агамемнона (1, 290–291). Также в *Илиаде* ближе к концу мы узнаем, что равного Ахиллу нет лишь в битве, но «на советах и многие лучше» (18, 105–106), хотя в 9-й и 11-й песнях Ахилл достаточно говорлив. См.: (Михайлин 2004, 59–62).

Сила слов старца-наставника видна при сопоставлении цитат из ответных речений его ученика:

А) до обращенной к нему речи Феникса:

Больше с божественным Гектором я воевать не желаю!
Завтра, принеси Зевесу и всем небожителям жертвы,
Я корабли нагружу и спущу их на волны морские.
Если желаешь и если до этого есть тебе дело,
Рано с зарей ты увидишь, как рыбным они Геллеспонтом
Вдаль по волнам побегут под ударами сильными весел.

Б) после увещеваний Феникса:

Сердце смущать перестань мне, крушась и скорбя предо мною...

Ты же останься.

Переночуешь на мягкой постели, а завтра с зарею
Вместе подумаем, плыть ли домой, или здесь оставаться.

(IX, 356–361, 612–619, пер. В. В. Вересаева)

Внешне Ахиллес еще не поддался на уговоры и отвергает принесенное посольством Феникса – Одиссея – Аякса извинение Агамемнона, да и внутри себя самому себе еще не признается в том, что прислушивается к речам седого многоопытного и авторитетного наставника, но слушатель поэмы уже заметил некоторое весьма важное изменение в настроении и рассуждениях героя...

Заключение

Последующая история педагогических образов в литературе, изобразительных искусствах, философии образования и культуре в целом не уделила Фениксу значительного места. В отличие от весьма популярного Хирона, от запечатленного в большом числе сцен начального возвращивания Ахилла Фетидой и последующей о нем материнской заботы, фигура Феникса удивительным образом не стала предметом частого упоминания и воспроизведения, переозначивания в литературе, живописи, скульптуре, в дискурсе педагогической теории. Продолжатели и комментаторы Гомера уделяли ему внимание, идя вослед эпическому певцу (например, Квинт Смирнский в IV в., *Posthomerica*/Τὰ μετὰ τὸν Ὅμηρον, III, 460–490; VII, 630–669; IX, 64–65), но широкой популярности седой учитель Феникс, в течение всей жизни Ахилла бывший для него авторитетом, в последующих

веках не приобрел. Подобный факт странным образом контрастирует с тем конструктом в истории образовательных и общекультурных традиций, который иногда называют образом мудрого старца-наставника. С одной стороны, образ Феникса несомненно стоит у истоков такого конструкта вместе с многоопытным Нестором и престарелым провидцем Тиресием, оттеняя ставшего никчемным во время войны старца Приама и Пелея, лишённого заботы о себе со стороны сына. С другой стороны, образ мудрого старца-наставника, вероятно, сложился как таковой в полной мере все же гораздо позже и в иной историко-культурной ситуации. Когда это произошло и насколько в генезисе образа учителя-старика сыграл некоторую роль сюжет о старом возничем Фениксе – предстоит еще выяснить будущим исследователям.

ЛИТЕРАТУРА:

- Безрогов Виталий: *Сравнительная педагогика: неинституциональные формы обучения в образовательных традициях Африки, Азии и Европы*. Москва 2006.
- Безрогов Виталий: *Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях*. Москва 2008.
- Гарданов Валентин: «Кормильство» в Древней Руси, «Советская этнография» 1959, № 6, с. 40–58.
- Днепровая Ирина: *Еще один плач по кентавру, или диалектика отношений «учитель – ученик» в литературе для детей и юношества*, «Серия “Symposium”. Философия образования» 2002, выпуск 23, с. 284–304.
- Иванченко Галина: *Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве*. Таганрог 1999.
- Корнетов Григорий: *Воспитание в первобытном обществе: возникновение, сущность, эволюция*. Москва 1993.
- Марру Анри-Ирене: *История воспитания в античности (Греция)*. Москва 1998.
- Михайлин Вадим, Ксенофонов А.: *Выбор Ахилла*, «Новое литературное обозрение» 2004, № 4 (68), с. 59–62.
- Монро Поль: *История педагогики*, часть 1. Москва 1913.
- Birchler Emery Patrizia: *Old Age Iconography in Archaic Greek Art*, «Mediterranean Archaeology» 1999, vol. 12, pp. 17–28.
- Falkner M. Thomas: *The Poetics of Old Age in Greek Epic, Lyric, and Tragedy*. Norman–London 1995.
- Falkner M. Thomas & de Luce Judith, eds.: *Old Age in Greek and Latin Literature*. New York 1989.

- Gilleard Chris: *Old Age in Ancient Greece Narratives of desire, narratives of disgust*, «Journal of Aging Studies» 2007, vol. 21, pp. 81–92.
- Growing Up Fatherless in Antiquity. Edited by Sabine R. Hübner and David M. Ratzan. Cambridge 2009.
- Iliad*. Book nine. Ed. by J. Griffin. Oxford; N.Y. 1995.
- Iliad*. Books VIII & IX. Ed. with introduction, translation and commentary by Chr. H. Wilson. Warminster 1996.
- Köhnken Adolf: *Die Rolle des Phoinix und die Duale im IX des Ilias*, «Glotta» 1975, Bd. 53, s. 25–36.
- Mackie J. Christopher: *Achilles' Teachers: Chiron and Phoenix in the 'Iliad'*, «Greece & Rome» 1996, vol. 44:1, pp. 1–10.
- Martin P. Richard: *The language of heroes: Speech and Performance in the Iliad*. Ithaca–London 1989.
- Meyer Kuno (ed. and tr.): *The instructions of King Cormac mac Airt*. Dublin 1909.
- Gregory Nagy: *The Best of the Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry*. Baltimore & London 1999.
- Parkes Peter: *Celtic Fosterage: Adoptive Kinship and Clientage*, «Comparative Studies in Society and History» 48:2, 2006, p. 359–395.
- Richardson Bessie Ellen: *Old Age Among the Ancient Greeks*. New York 1933.
- Robbins Emmet: *The Education of Achilles*, «Quaderni Urbinati di Cultura Classica» 1993, vol. 45:3, pp. 7–20.
- Rosner A. Judith: *The Speech of Phoenix: Iliad 9.434–605*, «Phoenix» 1976, vol. 30:4, p. 314–327.
- The Iliad: A Commentary*. Vol. 3: Books 9–12 / B. Hainsworth & G.S. Kirk (eds.). Cambridge 1993.
- Tsagarakis Odysseus: *Phoenix's Social Status and the Achaean Embassy*, «Mnemosyne» 1979, vol. 32, p. 221–242.